

КАЖДОЕ СЛОВО — В ЦЕЛЬ

К 70-летию
Федора Михайловича
ГОЛУБЕВА

«Скажи мне, кто твой друг...», — не перестаем мы удивляться аналитической точности народного речения. У Федора Голубева, чье 70-летие мы отмечаем, близким другом в течение многих лет был В. В. Овечкин, один из тех редких и счастливых художников, творчество которого явилось истоком целого направления в отечественной литературе, породив школу талантливых последователей.

Знакомство Голубева с Овечкиным произошло в конце 40-х годов во Льгове, и уже само по себе оказалось продолжением прекрасных литературных традиций малого городка коренной Руси, подарившего людям Гайдара, Асеева...

Я снова подумал об этой большой жизненной удаче Федора Голубева, когда читал его, написанные с партийной страстью, воспоминания о В. Овечкине — «Человек с пылким сердцем».

Изначальная причина добрых и равноправных отношений известного писателя с человеком, только еще пробовавшим себя в литературе, крылась в их биографиях, очень похожих в главном. Оба — вчерашние фронтовики, они одинаково начинали и молодость: Овечкин в 30-м году был первым секретарем партийки колхоза, а комсомолец Голубев — одним из организаторов колхоза, избранный в неполных восемнадцать лет заместителем председателя. Удивляться не следует: восемнадцать — это не так уж и мало, когда с четырнадцати каждый год выезжаешь с артелью на сезонные заработки в качестве землекопа.

Коммунисты с большим житейским и организаторским опытом, они вскоре стали членами Льговского районного комитета партии, Голубев — еще и членом бюро райкома КПСС, то есть оказались в гуще больших и малых дел послевоенного восстановления нормальной жизни в районе, и, разумеется, товарищами-единомышленниками. Сам автор знаменитых «Районных будней» охарактеризовал эти отношения дарственной надписью на своей книге: «Федору Михайловичу Голубеву — человеку, который меня глубоко понял...»

О В. Овечкине я вспомнил в день юбилея Ф. Голубева не случайно: Валентин Владимирович был первым, кто серьезно оценил литературный талант Голубева, а в 1962 году рекомендовал его в члены Союза писателей СССР.

Любовь к художественному слову, к книге рождается по-разному. Мне пришлось присутствовать на одной из встреч Ф. Голубева с читателями в селе Новомолово Горшеченского района. Вспоминаю, как реагировали слушатели на рассказ писателя о комсомольской операции, которую он провел в 1928 году в своей деревне, чтобы создать начальный книжный фонд для избы-читальни. Заложив в телегу коня, парень отправился из конца в конец улицы, агитируя жителей дарить книги в общее народное пользование. И что же, слово комсомольца нашло отклик. К концу маршрута в телеге оказались и рассказы М. Горького, и «Ташкент — город хлебный» Александра Неверова, известного в те годы «деревенщика», стихи Демьяна Бедного, истерты номера журнала «Следопыт», и дореволюционные издания, вроде популярной сытинской «книжки-копейки», и даже... псалтырь. Последний тоже был взят в библиотеку в качестве экспоната для антирелигиозной пропаганды.

Творчество Ф. Голубева в первую очередь обращено к молодежи. Передовая литература всегда по-особому внимательно всматривалась в молодые лица. И это понятно, вместе с опытом старших молодым передаются надежды предшествующих поколений, мечты, само будущее. Они — наследники, и этим сказано многое.

Рассказы и короткие повести Ф. Голубева заселены отличными ребятами, любящими свое дело, но всегда удачливыми, но честно борющимися за свое утверждение в жизни, и — за ее чистоту. Вызывает уважение то презрение, с которым колхозный скотник Желька отвергает помощь заезжего чинуши-охотника с ружьем «штучной работы», решившего, в минуту благодушного настроения снабдить юношу запиской «пропуском» для облегченного поступления в строительный техникум («На Татарском бугре»).

Голубев не морализует, у него редко увидишь написанное «от автора», тем не менее, читая, получаешь ощущение, что писатель, когда идет борьба добра со злом, глупости с разумом, стоит в одном ряду со своими героями, активно помогает им в поисках места в жизни. Хочется подчеркнуть, места не под «солнцем», с чем связываются совсем другого рода искания, а именно в обывательской жизни, где бывают и туманы, и грозы...

Не просто Сашке Телегину дается профессия кузнеца. И все-таки трудолюбием и упорством он завоевывает уважение у требовательного мастера Илья Петровича. Старик начинает верить в любовь подручного к огневой профессии («Кузнецы»). Верим в это и мы, читатели.

Писатель не идеализирует деревню, у него не найдешь умилятельного отношения к отживающему в сельском быту и в производстве, — к измам с крошечными окнами, к глинобитным печкам, занимающим половину помещения, к ручным косам и тяпкам...

«Вот уйду на пенсию, старшим станешь, — говорит тот же Илья Петрович Сашке Телегину. — Подгонись трактор, зацепишь за угол да и рванешь к дяволу. А на месте этой кузницы колхоз поставит новую, большую, и в ней станки будут: токарный и сверлильный...»

Это говорит семидесятилетний мастер, который собственными руками строил эту кузницу на заре колхозного движения, но теперь по-хозяйски, без сантиментов, понимает: для того, чтобы держать машинный парк колхоза в порядке, необходима совсем другая кузница и по-иному оснащенная...

Книги Ф. Голубева свидетельствуют, что

писатель досконально знаком с чаяниями и сомнениями, радостями и болями современного села. Не случайно, например, его очерк о проблемах застройки усадеб колхозников с учетом удобства, эстетики и бережного отношения к земле, опубликованный в «Сельской жизни», вызвал в свое время много откликов. Недавно Федор Михайлович закончил пьесу, написанную на эту же важную тему.

Несомненно, такое заинтересованное внимание к актуальным вопросам села, глубокое уважение к его жителям и то, что писатель при этом никогда не становится в позу морализующего наблюдателя или, что еще хуже, советчика с обочины, сливает доверие читателей к его прозе.

Есть в творчестве Федора Михайловича своеобразная черта. О чем бы он ни писал, всегда касается темы Великой Отечественной войны. Это и тема личной биографии Голубева. С тех пор, как в 1934 году его по комсомольскому спецнабору направили на флот, (служил на крейсере «Аврора», сначала машинистом, позже — заместителем политрука), он стал кадровым военным. После флотской службы год проработал в обкоме ВЛКСМ и снова получил путевку в межрайонную школу Народного комиссариата внутренних дел.

22-е июня 1941 года Ф. Голубев встретил на границе в качестве офицера-контрразведчика. Ленинградский фронт, Волховский, 2-й Белорусский, 1-й Прибалтийский, 1-й Белорусский — все четыре года на передовой, от Ленинграда до Берлина. А после Дня Победы — еще десять лет ответственной работы в органах госбезопасности.

Не может отсутствовать тема войны в рассказах Голубева еще и потому, что он уже давно живет на земле Курской огненной дуги, столь густо израненной снарядами и минами, что их извлекают до сегодняшнего дня. Но не разминаешь человеческую память! Да и надо ли? Память должна быть в напряжении. Военные рассказы Ф. Голубева, напоминая о днях Великой Отечественной, призывают к бдительности, к борьбе с теми, кто готов развязать средствами массового уничтожения еще более страшную кровавую бойню, призывают человеческую память быть на страже.

Значительную часть своего творчества Ф. Голубев посвятил детям. Последняя книга для них вышла год назад — «Зеленый патруль». В ней тема Великой Отечественной войны является как бы нравственным камертоном, с которым нынешнее поколение детей сверяет свои дела и поступки.

Ф. Голубева знают и как умелого пропагандиста. Он свой человек в школах, профессионально-технических училищах, в молодежных общежитиях. Воспитательное значение живого слова писателя можно оценивать по-разному. Приведу характерный случай, имеющий отношение к сказанному.

В начале 70-х годов Федор Михайлович руководил литературным объединением на Курском заводе тракторных запасных частей. Одним из активных посетителей был молодой рабочий, занимавшийся заочно в институте. Голубев не только помогал ему, как начинающему литератору, но постоянно проявлял интерес к его профессиональному росту, учебе. И вот недавно мне пришлось случайно встретиться с этим человеком, ныне уже кандидатом наук, высококвалифицированным инженером-экономистом. Как было приятно услышать о том, что занятия в заводском литобъединении не просто оказывали благотворное влияние на духовный рост людей, но и окрыляли. Впрочем, это естественно. Вспомним М. Горького: «Две силы успешно содействуют воспитанию культурного человека: искусство и наука».

Об общественной активности писателя Голубева свидетельствует и такой факт — он двенадцать раз избирался товарищами секретарем партийной писательской организации.

К своему юбилею Федор Михайлович подошел как автор полутора десятков книг. Начав публиковаться с 1956 года, подполковник запаса Ф. М. Голубев быстро завоевал читательское признание. Ему понадобилось всего шесть лет, чтобы пройти путь от начинающего литератора до члена Союза писателей СССР.

На фотографии 1958 года, опубликованной в книге «Воспоминания об Овечкине» (Москва, «Советский писатель» 1982 г.), показано заседание редколлегии альманаха «Простор», периодического издания, сыгравшего важную роль в воспитании большинства курских писателей. На фото — небольшая комната, в которой за столом тесно сидят В. Овечкин, М. Колосов, Е. Полянский, М. Приваленко, Н. Корнеев и Ф. Голубев. Эта «теснота» характеризует взаимоотношения, сложившиеся тогда в молодой писательской организации...

С той, уже далекой, поры Ф. Голубев вырос в мастера сжатого динамичного повествования. Его вещи отличаются не только занимательностью сюжета, но и ясностью мысли, четкостью авторской позиции. Писатель избегает недомолвок, ложных «вторых планов», когда читателю косвенно предлагается искать еще что-то «за строкой».

Литература — точный вид искусства, может быть, даже самый точный, так как в ее основе благородный и в то же время взрывоопасный материал — слово, не терпящее двусмыслицы, борющееся за добро, за истину. То есть книги — они бойцы, воины в духе бессмертных строк В. Маяковского — «Парадом развернут моих страниц войска»...

Совершенно нелепо ожидать, скажем, от скульптора, не овладевшего точным знанием пропорций и связей мышц человеческого тела, верною и менее портрета. И, конечно, ничуть не менее необходимо уверенность в знании и слова для писателя. У Федора Голубева можно сказать, каждое слово направлено в цель.

А. ХАРИТАНОВСКИЙ.

Курск.